

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.122(045)
© Морозов Н.А., 2023

К вопросу о содержании отношений, оформляемых правом собственности

Николай Александрович Морозов, студент юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия
Nikolaj A. Morozov, student, Faculty of Law, Financial University, Moscow, Russia
morozov20030512@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые аспекты содержания права собственности. Являясь ключевым субъективным правом, право собственности стабилизирует экономические отношения, придавая им характер общественных. В рамках настоящего исследования автор рассматривает ключевые элементы экономической и юридической стороны права собственности. Была предпринята попытка обосновать необходимость интеграции права собственности в состав правоотношения, поскольку данная теоретическая дискуссия, имеющая истоки в дореволюционной цивилистике, активно продолжаемая в советское время, имеет место в российской гражданско-правовой науке и по сей день. Помимо вышеперечисленного, автор рассматривает определения содержания права собственности в законодательствах нескольких стран, подвергая детальному анализу отечественную дефиницию. На основании рассмотренного предлагается определение исходных посылок, необходимых для построения оптимальной законодательной дефиниции права собственности.

Ключевые слова: собственность; право собственности; вещное право; правоотношение; «триада правомочий»; объект права собственности; индивидуально-определенная вещь

Для цитирования: Морозов Н. А. К вопросу о содержании отношений, оформляемых правом собственности. *Научные записки молодых исследователей.* 2023;11(6):49–55.

ORIGINAL PAPER

The Content of Relations in Filing Ownership Rights

ABSTRACT

The paper examines key aspects of the content of the right of ownership. Being a key subjective right, ownership right stabilizes economic relations, giving them the character of social relations. In this research, the author considers the key elements of the economic and legal side of the property right. The author attempts to substantiate the need of integrating the property right into the legal relationship in this

Научный руководитель: **Афанасьев И.В.**, кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия / Scientific supervisor: **Afanasiev I.V.**, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia.

research. This research attempts to substantiate the necessity of integrating the property right into the legal relationship, and it still involves Russian civil law scientists who have been actively continuing this discussion since pre-revolutionary civilistics. Besides the above, the author proposes to define the initial assumptions necessary for the construction of an optimal legislative definition of ownership rights.

Keywords: property; ownership; property right; legal relation; triad of authorities; property rights entity; individually defined thing

For citation: Morozov N. A. The content of relations in filing ownership rights. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific notes of young researchers*. 2023;11(6):49–55.

Введение

Право собственности опосредует практически все имущественные правоотношения. Являясь ядром системы вещного права, право собственности обуславливает содержание ограниченных вещных прав, которые в российской правовой системе представлены крайне лимитировано. Кроме того, проблема содержания права собственности заключается в признаке наибольшей абсолютности права собственности в сравнении с иными субъективными правами, который не сводим к абсолютному фактическому господству собственника. Исходя из указанного, представляется необходимым исследовать теоретические аспекты, связанные с понятием и определением содержания права собственности в двух направлениях – экономическом и юридическом.

Основная часть

Прежде чем говорить о праве собственности и его содержании, необходимо разграничить категории «собственность» и «право собственности». Юридическое и экономическое понимание собственности существенно различаются.

В рамках настоящего исследования собственность с экономической точки зрения рассматривается как определенный факт, которому придается правовая оценка. По поводу содержания этого факта в экономической науке нет однозначного ответа. Господствующими являются два подхода.

Первый основывается на исключительно материальном представлении о содержании собственности. Так, Б.А. Райзберг определяет собственность как «принадлежность вещей, материальных, духовных ценностей определенным лицам, юридическое право на такую принадлежность и экономические отношения между людьми по поводу принадлежности, раздела, передела объектов собствен-

сти»¹. В этом определении конститутивным признаком является именно субъект-объектная связь: отношение лица к определенной материальной или нематериальной ценности.

Второй подход, в свою очередь, основан на субъект-субъектной связи, его представителем является К. Маркс: собственность как экономическая категория выражает отношение по поводу присвоения средств производства и создаваемых с их помощью материальных благ в процессе производства, распределения, обмена и потребления².

По замечанию Г.И. Черкасова, с конца 1990-х гг. тенденцией стало «овеществление» содержания собственности³. На наш взгляд, это связано прежде всего с догматическим отрицанием межличностной теории собственности К. Маркса. Указанная тенденция являла собой следствие политической турбулентности в 1990-е гг. и в рассматриваемой проблеме едва принесла пользу экономической и юридической наукам.

Рассмотрение собственности прежде всего через субъект-объектную связь представляется неверным. Приматом собственности выступают общественные отношения. Изолированная от социума принадлежность благ субъекту перестает быть собственностью при отсутствии конкурентов в лице других «Я». Собственность невозможна вне общества, поскольку, являясь манифестацией Желания конкретного индивида, она тем самым подводит нас к тому, что благо не может быть свободно использовано другими лицами. Ценность

¹ Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М; 2023:396.

² Маркс К. Сущность частной собственности в отражении политической экономии. Маркс К. Сущность частной собственности в отражении политической экономии. Марксистский архив. Русский раздел: URL: <https://www.marxists.org/russkij/index.htm> (дата обращения: 23.06.2023).

³ Черкасов Г.И. Общая теория собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2003:11.

собственности в том, что другие субъекты отказываются от притязаний на экономическое благо собственника. Субстрат экономической категории выражается прежде всего в субъект-субъектной связи, в общественной среде как совокупности Желаний, «которые распространяются друг на друга и желаются только как Желания» [1, с. 14].

Таким образом, собственность как экономическая категория есть совокупность общественных отношений по поводу присвоения, отчуждения экономических благ, выражающаяся в легитимации власти конкретных субъектов над конкретными благами.

Приведенное нами определение включает в себя категорию легитимации, без которой невозможно говорить о собственности. Отсутствие регуляторов в обществе приведет к отсутствию последнего. Как было указано, собственность как общественное отношение немислима вне общества.

Основным регулятором в отношениях, связанных с собственностью, является право. Вместе с тем категорией «право собственности» оформляются далеко не все отношения по поводу присвоения и отчуждения: не все экономические блага являются вещью как обособленной частью внешней природы, в их число входят и нематериальные блага (например, «бездokumentарные» ценные бумаги, товарные знаки и т.п.). Таким образом, категория собственности шире права собственности. Объектом права собственности является лишь часть отношений присвоения и отчуждения.

Спецификой права собственности, как и иных вещных прав, является характер возникающих правоотношений. Отношения, возникающие по поводу права собственности, именуется абсолютными. Абсолютность выражается в нескольких аспектах, к наиболее значимым можно отнести два. Собственник вправе воздействовать на принадлежащее ему имущество с целью удовлетворения своих потребностей. Данный аспект характеризует так называемую «позитивную сторону» права собственности, которая находится в неразрывной связи с «негативной стороной»: третьи лица обязаны воздерживаться от действий, каким-либо образом препятствующих связи между собственником и его собственным имуществом. Неразрывность связи выражается в следующем: экономическая и правовая значимость собственника как субъекта отношений невозможна, если несобственникам дозволено воздействовать на вещь в выгодных

целях без законных оснований. Таким образом, право собственности образует двухступенчатое абсолютное правоотношение, выражающееся в направлении воли собственника на принадлежащее ему имущество, которое возможно только при «ограждении» от незаконного посягательства третьих лиц. «Негативная сторона» в юридической конструкции права собственности опосредует «позитивную».

В доктрине существует точка зрения, согласно которой право собственности как абсолютное право не образует правоотношений, указывая на отсутствие корреспондирующей праву собственника обязанности третьих лиц. В частности, К. И. Скловский считает, что вещное право (в том числе и право собственности) предоставляет его обладателю непосредственную власть над вещью, а предпринимаемые на теоретическом уровне попытки интеграции этих прав в правоотношения путем выявления корреспондирующей праву обязанности неопределенного круга лиц воздерживаться от посягательства на имущество собственника являются излишними [2, с. 78].

Важно отметить, что указанная концепция имела своих последователей в дореволюционном, а позже и в советском праве, однако рассматривалась она в иной плоскости. Так, Ю. С. Гамбаров отрицал признак абсолютности права собственности следующим образом: абсолютность, проявляющаяся в обязанности всех третьих лиц воздерживаться от посягательств на вещь, принадлежащую управомоченному, должна ограничиваться территориально; в противном случае следует, что «малайцы в Полинезии были обязаны воздерживаться от нарушения моего вещного права в Петербурге, о котором они никогда не слышали и, вероятно, не услышат, и которое уже поэтому никогда не могло бы быть ими и нарушено» [3, с. 426].

Идея Ю. С. Гамбарова развивается в работе советского ученого Д. М. Генкина: «Конструкция абсолютного правоотношения является фикцией, ибо нельзя представить себе, что управомоченный вступил в правоотношение со всеми лицами, которые не знают даже о его существовании и о которых не знает сам управомоченный. Абсолютное, субъективное право действительно существует, но вне правоотношения, ему действительно противостоит пассивная обязанность всех и каждого, но такая обязанность устанавливается не правоотношением, а всеобщей запретительной нормой» [4, с. 39–42].

На наш взгляд, ни рассматриваемая, ни иные позиции по данному вопросу не могут являться теоретически верными или несостоятельными до тех пор, пока не существует единого понимания правоотношений.

Д. М. Генкин исходит из раннего понимания правоотношения О. С. Иоффе как отношения между конкретными лицами [5, с. 20]. Субъектный состав правоотношения, исходя из вышеуказанного определения, должен быть определенным. А значит, абсолютность отношений, складывающихся по поводу права собственности (и других абсолютных прав вообще), влечет отсутствие конкретного или конкретных субъектов корреспондирующей праву собственника обязанности.

При подобном понимании субъектного состава правоотношений юридическая связь между собственником и неопределенным кругом третьих лиц приобретает качество абстрактности, поскольку «всеобщая взаимная связь всех лиц между собою, урегулированная правом, является общим правилом поведения, то есть не правоотношением, а нормой, правом в объективном смысле» [6, с. 93].

Таким образом, сторонники расположения права собственности за пределами правоотношений редуцируют неопределенность субъектов обязанной стороны к абстрактности всей гражданско-правовой формы, а значит, как было указано выше, запрет посягательства на чужое имущество вытекает не из правоотношения, а из законодательного императива.

Автору настоящего исследования такая позиция не близка ввиду нижеследующего.

Право собственности является центральным элементом системы вещных прав, поэтому ему, как и иным вещным правам, присуща специфика объекта. Объектом права собственности классически признается индивидуально-определенная вещь. Вещи, определяемые родовыми признаками, становятся объектом права собственности только в случае их обособления в предметном мире, тем самым определяя, по замечанию Д. В. Дождева, «масштаб присутствия индивидуального интереса» и становясь «предметом согласования отдельных волей»⁴. Именно определенность, являющаяся необходимым требованием для объекта, конкретизирует право собственника и обязанности третьих лиц.

⁴ Дождев Д. В. Римское частное право. М.: ИНФРА-М – НОРМА; 1996:304.

Иначе говоря, отвечая на вопрос, относится ли к праву собственности к правоотношению или оно находится за его пределами, необходимо исходить не из того, что круг обязанных лиц является неопределенным, а из того, что вещь, по поводу которой может возникнуть спор, является конкретно определенной в той мере, в какой позволяет определить масштаб присутствия интереса собственника, юридически признаваемое отношение последнего к имуществу как к «своему», с одной стороны, с другой — отношение обязанных (т.е. остальных) лиц к этому имуществу как к «чужому». Именно дихотомия «свое-чужое» обуславливает существование правоотношения собственности.

В российском законодательстве долгое время существовала проблема, связанная с понятием вещи: до 2013 г. статья 128 ГК РФ, определяющая систему объектов гражданских прав, в понятие вещи включала «деньги и ценные бумаги». С учетом развития глобальной сети Интернет, указанные объекты вошли в оборот в двух проявлениях: как материально осязаемые (наличные деньги, документарные ценные бумаги) и как нематериальные (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги). Даже после внесения изменений на рудиментарном уровне остаются решения судов, которые не учитывают специфику права собственности как вещного права. Так, в решении АС Республики Дагестан от 11.05.2022 по делу № А15–198/2021 можно обнаружить следующий пассаж: «На сегодняшний момент обыкновенные именные акции в бездокументарной форме выпуска, ... не имеют собственника и согласно статье 225 ГК РФ являются бесхозяйным имуществом»⁵. Данное замечание не имеет ни легального, ни доктринального подтверждения, поскольку, как верно указал Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, «исходя из специфики бездокументарной акции, невозможно владеть ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания»⁶. То же относится и к иным бездокументарным ценным бумагам,

⁵ Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 11.05.2022 по делу № А15–198/2021. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lcbwcl1LhomC/?ysclid=lh667kkg3c347408574> (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Решение АС Ханты-Мансийского АО от 23.08.2020 по делу № А75–15245/2019. Подготовлено при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

и к безналичным деньгам: нельзя ими обладать на праве собственности, они представляют собой право требования их обладателя в отношении корреспондирующего праву долга соответствующего субъекта (например, банка).

Кроме того, вторая общественная тенденция — цифровизация общества, привела к тому, что в обозримом будущем деньги станут объектом гражданского оборота в трех проявлениях: помимо вышеуказанных, в форме цифрового рубля. По поводу последнего до сих пор неясно, в каком виде он будет интегрирован в гражданский оборот [7, с. 55–65]. На наш взгляд, несмотря на то, что Центральный банк в своих докладах и проектах дифференцирует безналичные денежные средства и цифровой рубль, их правовая природа идентична: последний будет являться правом требования, адресатом которого выступит Центральный банк Российской Федерации как эмитент.

Попытки определения понятия права собственности также не являются однозначными. Кажущаяся простота содержания опровергается тем фактом, что определение права собственности является предметом многолетних дискуссий в юриспруденции по сей день. К. П. Победоносцев во второй половине XIX в. писал: «Право собственности... есть право, окончательно укрепленное и объективно сознаваемое...»; право собственности — «...полнейшее и простейшее из всех прав гражданских» [8, с. 211]. Казалось бы, по логике эволюции научных знаний, преимущественно прогрессивному пути осмысления доктринальных категорий, со временем понимание права собственности должно было упроститься настолько, что его содержание могло бы уместиться в лаконичную формулировку. Однако в начале XX в. Г. Ф. Шершеневич внезапно отмечает: «Определение права собственности представляет значительные затруднения, несмотря на его видимую простоту и ясность. До сих пор в науке не установлено точное понятие о нем»⁷. Стоит отметить, что слова Шершеневича актуальны не только в рамках российской правовой науки, но и в рамках мировой юридической мысли.

Особо остро проблема стоит в правовых системах континентальной традиции частного права, которая выражается в закреплении аб-

страктных посылок, которые охватывают значимую часть общественных отношений. Кроме того, проблема определения содержания права собственности связана с тем, что он является высшей точкой проявления автономии воли — принципа, лежащего в ткани частного права. Эти два указанных фактора находят отражение на доктринальном уровне. Так, Е. А. Суханов право собственности определяет как наиболее широкое по объему правомочий вещное право, представляющее своим субъектам максимальные (хотя и отнюдь и не безграничные) возможности использования принадлежащих им вещей. Указанное определение отображает главный признак права собственности — наибольшую полноту власти, предоставляемую обладателю права. Технически схожее определение в XIX в. выработал немецкий цивилист Г. Дернбург, определяя право собственности как право всестороннего господства над вещью, которое дает собственнику всю полноту власти, совместимую с законами, природой и правом [9, с. 59]. К. И. Скловский, следуя максиме Яволена «*omnis definitio in iure civile periculosa est*» (всякое определение в гражданском праве опасно), определяет право собственности как наиболее полное право лица, подчеркивая, что полнота его содержания не должна поддаваться конкретному определению. Следуя дискурсу философа Б. Спинозы, он выделяет главное, на его взгляд, свойство этого права: собственник относится к вещи как к своей, как к продолжению своей личности [10, с. 274–288]. Если люди как существа конечные в пространстве и времени, по Спинозе, являются модусом бесконечной субстанции, то вещь для собственника есть простой модус относительно себя самого [11, с. 1–52]. В этом принципиальное отличие права собственности от иных вещных прав.

Легальные дефиниции, являющие собой следствие некой конвенциональности на доктринальном уровне, также крайне разнообразны.

Статья 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяя право собственности через «триаду правомочий» владения, пользования и распоряжения, наделяет собственника правом «по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и законные

⁷ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Изд-во Юрайт; 2023:33.

интересы третьих лиц...»⁸. «Триада правомочий» подвергается критике со стороны ряда ученых, в частности, Е. А. Суханова [12, с. 122–129]. Одним из оснований для критики является «машинальный» перенос составляющих законодательное определение права собственности правомочий, которая влечет упрощение определения содержания в отечественной юриспруденции (например, «По своему юридическому содержанию право собственности граждан на принадлежащее им имущество включает в себя владение, пользование и распоряжение им, что и определяет понятие права собственности граждан» [13, с. 60]). Существование проблемы подобных «экстенсивных» определений содержания права собственности признают и сторонники «триады правомочий» [14, с. 59–67].

Параграф 903 Германского гражданского уложения фиксирует, что собственник «...властен, насколько тому не препятствуют закон или права третьих лиц, распоряжаться вещью по своему усмотрению и устранять других от всякого на нее воздействия»⁹.

Статья 544 Гражданского кодекса Франции¹⁰ гласит: «Правом собственности является право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее полным образом, при условии соблюдения запретов пользования, установленных законами или регламентами».

Определения из кодексов Германии и Франции, правопорядков, на которые ориентируется отечественная цивилистика, существенно отличаются от российского понимания, что, тем не менее, объяснимо различиями в правовой традиции, особой социально-экономической конъюнктурой развития германского, французского и российского общества.

Однако правопорядки, которые в исторической ретроспективе недавно были частью советского

правопорядка, также существенно отлично определяют право собственности. Согласно статье 170 Гражданского кодекса Грузии собственник «может в пределах, установленных законом, или иных, в частности договорных ограничений, свободно владеть и пользоваться имуществом (вещью), не допускать владения этим имуществом другими лицами, распоряжаться им, если этим не нарушаются права соседей или иных третьих лиц, либо если это действие не представляет собой злоупотребление правом»¹¹.

Таким образом, определение содержания права собственности в законодательстве разных государств, в том числе тех, которые, казалось бы, должны быть нам близки, существенно отличается. Описание объема предоставляемой правом собственности юридической власти в различных правопорядках также не однотипно. Тем не менее законодательные дефиниции роднит не количество правомочий в рамках субъективного права, а качество этого права как наиболее полного. Исходя из указанного, позиция К. И. Скловского кажется нам верной: попытка дать конкретное определение содержанию права собственности тщетна и едва имеет практическую ценность. Несомненно, значимость имеет указание конкретных пределов и ограничений права собственности.

Выводы

Исходя из вышеуказанного, необходимо обозначить несколько выводов, сделанных в рамках настоящего исследования:

- Собственность как экономическая категория не тождественна праву собственности, однако специфика понимания собственности в экономическом смысле обуславливает понимание права собственности.
- Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция «материализации» содержания права собственности, по мнению автора, не является верной с точки зрения теории субъективных прав.
- Длительное время в юридической науке существует дискуссия относительно места права собственности в системе права. Несмотря на существующую точку зрения, подчеркивающую

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9bc79ae09d078798e7a4ee4647ac9ea495da9fa0/ (дата обращения: 12.07.2023).

⁹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (с изм. и доп. по 31.03.2013). Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Гражданский кодекс Грузии. Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=121> (дата обращения: 12.07.2023).

изолированность права собственности от правоотношений, превалирующая в доктрине позиция, включающая право собственности в правоотношение, представляется верной.

• Законодательные определения содержания права собственности различаются. Особый интерес представляет определение права собственности в отечественном законодательстве через

«триаду правомочий» владения, пользования, распоряжения. Автор считает, что верной будет являться методология, при которой право собственности определяется без конкретного раскрытия входящих в него элементов. Практическую значимость будет представлять закрепление законодателем пределов осуществления права собственности.

Список источников

1. Кожев А.В. Введение в чтение Гегеля: лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука; 2013. 791 с.
2. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут; 2004. 362 с.
3. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича; 1911. 780 с.
4. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат; 1961. 223 с.
5. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ленинград: Изд. ЛГУ; 1949. 144 с.
6. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право. *Советское государство и право*. 1958(2):92–102.
7. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав. *Актуальные проблемы российского права*. Т. 16. 2021;(4):55–65.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут; 2002. 798 с.
9. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. Часть 2. Вещное право. СПб.: Государственная типография; 1905. 364 с.
10. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Изд-во Юрайт; 2020. 1016 с.
11. Спиноза Б. Этика. М.: АСТ; 2001. 336 с.
12. Суханов Е.А. Вещное право. М.: Статут; 2017. 560 с.
13. Кириллина О.А. Гражданско-правовая характеристика права собственности граждан. *Legal Bulletin*. 2019;4(1):53–61.
14. Белов В.А. Очерки вещного права. М.: Изд-во Юрайт; 2023. 332 с.

References

1. Kozhev A.V. Introduction to Reading Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit, given from 1933 to 1939 at the Higher Practical School. St. Petersburg: Nauka; 2013. 791 p. (In Russ.).
2. Sklovsky K.I. Application of civil legislation on property and possession. Practical questions. Moscow: Statute; 2004. 362 p. (In Russ.).
3. Gambarov Yu.S. Civil law course. Vol. 1. St. Petersburg: Stasyulevich Printing House; 1911. 780 p. (In Russ.).
4. Genkin D.M. Property rights in the USSR. Moscow: Gosyurizdat; 1961. 223 p. (In Russ.).
5. Ioffe O.S. Legal relations under Soviet civil law. Leningrad: LSU Publishing house; 1949. 144 p. (In Russ.).
6. Genkin D.M. Ownership rights as an absolute subjective right. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*. 1958;(2):92–102. (In Russ.).
7. A.V. Digital ruble of the central bank as an object of civil rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current problems of Russian law*. Vol. 16. 2021;(4):55–65. (In Russ.).
8. Pobedonostsev K.P. Civil law course. First part: Patrimonial rights. Moscow: Statute; 2002. 798 p. (In Russ.).
9. Dernburg G. Pandects. Vol. 1. Part 2. Property law. St. Petersburg: State Printing House; 1905. 364 p. (In Russ.).
10. Sklovsky K.I. Property in civil law. Moscow: Yurajt Publishing House; 2020. 1016 p. (In Russ.).
11. Spinoza B. Ethics. Moscow: AST; 2001. 336 p. (In Russ.).
12. Sukhanov E.A. Property right. Moscow: Statute; 2017. 560 p. (In Russ.).
13. Kirillina O.A. Civil legal characteristics of citizens' property rights. *Legal Bulletin*. 2019;4(1):53–61. (In Russ.).
14. Belov V.A. Essays on property law. Moscow: Yurajt Publishing House; 2023. 332 p. (In Russ.).